

Ф.С.НАДЖИЕВА
Бакинский славянский университет

О МИФО-ФОЛЬКЛОРНОЙ ПОЭТИКЕ В ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА XX ВЕКА

Açar sözlər: mifologiya, folklor, personaj, mifoloji təfəkkür, interpretasiya

Ключевые слова: мифология, фольклор, персонажи, мифологическое мышление, интерпретация

Key words: mythology, folklore, characters, mythological thinking, interpretation

В современном литературоведении проблемам мифологизма, мифо-фольклорной поэтики, которая широко наблюдается в современной художественной культуре, в частности литературе, уделяется большое внимание. В связи с этим намечаются новые подходы к изучению мифологических элементов в структуре произведения.

Существует целый ряд определений мифа, но фактически всё сводится к тому, что это «древнейшее сказание, являющееся неосознанно-художественным повествованием о важных, часто загадочных для древнего человека природных, физиологических и социальных явлениях, происхождении мира, загадке рождения человека и происхождении человечества, подвигах богов, царей и героев, об их сражениях и трагедиях» (4, 559).

В современном литературоведении в понятие мифа входит обозначение любого текста, в котором речь идёт о событиях, не относящихся к повседневному, обыденному миру. Это коренным образом отличается от понимания мифа, принятого в предшествующие периоды. Уже в начале XX века отмечались процессы нарастания «ремифологизации», которая «значительно превосходит по своему масштабу романтическое увлечение мифом в начале XIX века» (5).

Интерес к мифу в это время опирается на новое отношение к нему, провозглашенное «философией жизни» Ф.Ницше и А.Бергсона, психоанализом З.Фрейда, а также теориями Дж.Фрезера, Э.Кассирера, К.Юнга и некоторых других, которые углубили традиционное понимание мифологизма.

Мифология в начале XX века была чем-то вроде «священного писания», которое призвано обосновать в качестве символической системы природный и социальный порядок. Это предопределило появление циклической концепции «вечного возвращения», а также понимание мифа как того, «чего не существует в действительности». Отсюда происходит и часто встречающееся отождествление мифа и сказки по приёмам построения авторских моделей мира, организации системы персонажей и ситуаций в тексте.

В литературе советского периода использование писателями мифа оценивалось, как проявление чуждой идеологии, как отступление от канонов соцреалистической доктрины. Об этом пространно пишет К.Кларк в своей монографии «Советский роман: История как ритуал» (3). Миф в литературе тоталитарного государства мог использоваться и использовался многими писателями лишь как эталон создания канонического образа стандартного исторического персонажа.

Именно по этому образцу формировались образы вождей, в частности образ Ленина в бесконечной «Лениниане», которая создавалась советскими писателями.

Всё, что было написано о Ленине прежде, в настоящее время существует в поле антисоветского, а иногда и просоветского мифа. Значение, которое приобрёл этот «вождь революции» в массовом сознании, позволяет рассматривать его как продукт новой мифологии.

Мифологема «Ленин» была использована, например, в произведении Фазиля Искандера «Ленин на Амре», написанной в начале 1990-х годов. Это была попытка художественного исследования не деяния и личности Ленина, а специфики мифологеми и её воздействия на сознание людей, переживших застой и переестройку, подвергающих с позиций своего опыта критическому осмыслению революционное прошлое и его лидера.

Для Ф.Искандера «новый Ленин», с одной стороны, сближается с богом, с другой – это «мухусский Ленин», являющийся носителем уголовного типа сознания, свойственного, по мысли Ф.Искандера, всем революционерам, в том числе и «вождю». Не случайны в свете этого и литературно-исторические ассоциации с Христом, со Стенькой Разиным, Пугачёвым, подчёркивание восхищения, которое испытывает Ленин перед «разбойником Кобой» и т.д.

Ф.Искандер вводит в рассказ и напоминание о легенде из «Сандро из Чегема» – версия причины Октябрьской революции 1917 года как кровной мести младшего брата за казненного «абрека Александра». «Горестная судьба казненного старшего брата Александра как-то заставляет нас забывать, что он был человеком, хладнокровно и методично готовившимся к убийству царя. Он был убийцей, случайно не завершившим свой замысел» (2, 44).

Этот мотив заниженной этической оценки брата распространяется и на самого Ленина, и на мотивы социалистической революции как таковой. Такова версия мифологеми «Ленин» в восприятии и трактовке Ф.Искандера, позволяющая отчётливо представить её восприятие в советский и постсоветский период. Большую роль в этом играет несколько раз обыгрываемый писателем мотив возвращения, воскрешения Ленина, данный в ироническом ключе.

Обращается к мифологеме «Ленин» и С.Довлатов в своём произведении «Зона». В лагере строгого режима, где ставится силами заключённых спектакль, посвященный юбилею Октябрьской революции, где роли Ленина и других революционеров исполняют уголовники. Выбор места действия выбран С.Довлатовым не случайно. Ведь он не раз повторял, что «лагерь представляет собой довольно точную модель государства. Причём именно советского государства» (1, 145).

С периода «оттепели» началось интенсивное развитие национальных литератур. Одним из проявлений этого процесса явилось использование мифа как первоосновы бытия в произведениях Ч.Айтматова, В. Астафьева, Ф.Искандера,

А.Кима, Ю.Рытхэу, М.Сулейманлы и многих других, где был представлен национально-фольклорный тип мифологизма.

Эти писатели в своих произведениях воспроизводят какие-то части мифа или отдельные архетипические образы, необходимые для иллюстрации авторского мифа. Таковы образы Матери-оленихи у Айтматова, Царь-рыбы у Астафьева. Ориентация на архаические формы мифологии присуща и азербайджанскому писателю М.Сулейманлы («Кочевье», «Мельница», «Шайтан»).

Таким образом, уже в 1970-80-е годы, несмотря на «застой», начинается освоение мифа, превращение его в основу для построения авторских моделей мира и организации системы персонажей. В произведения вводятся не только известные мифологические персонажи, но и отдельные мотивы мировой мифологии – инициация, превращения, сражения с чудовищами, поиск похищенного и т.п.

Для многих писателей миф становится источником новых тем, новых образов. Например, для Владимира Орлова. Начав с произведений, написанных ещё в советское время («После дождика в четверг», «Происшествие в Никольском», «Альтист Данилов»), он продолжает своё обращение к мифу и в последующие годы. Это даёт о себе знать в таких произведениях писателя, как «Аптекарь» (1988), «Шеврикука, или Любовь к привидению» (2000), «Бубновый валет» (2001).

Широко использует национальную мифологию и М.Сулейманлы, трансформируя в своих произведениях жанры национального фольклора. Он близок В.Орлову тем, что вписывает своих героев в традиции классической демонологии. В повести-сказке «Шайтан» (в переводе с азербайджанского «шайтан» это «дьявол», «чёрт») писатель создаёт модель мира, в котором люди и общество попадают под власть шайтана, отсюда их самые дурные поступки и поведение.

И В.Орлов, и М.Сулейманлы создают повествования, в которых на равных сосуществуют реальные и ирреальные персонажи. Миф для них является приёмом, помогающим вписать ирреальные персонажи в современность.

Использование мифа постепенно конкретизировалось и стало проявляться в организации мифологической модели мира, в которой и действуют герои. Именно здесь их ждут различные приключения, превращения, которые и составляют основу сюжета этих произведений.

Представляя единое культурное пространство, многие современные писатели, предлагая свою версию истории, также нередко прибегают к мифологической форме. Создаётся мифопоэтическая действительность, в которой современность и история связаны в единое целое. Такой подход наиболее характерен для таких современных авторов, как Т.Толстая, М.Успенский и др. Они используют миф для создания условной ситуации, обращенной к нашим дням и к придуманному автором историческому времени.

Ключевой образ для неомифологической прозы – условная реальность. Она может быть показана и открыто, и замаскировано. Обращаясь к произведениям одного из представителей современной литературы А.Кима, мы видим, как реализуется в них представление о мире как о животворном едином и неделимом начале. Широко используя мифологические образы и мотивы, А.Ким прибегает к показу превращений, («Лотос»), переселения душ («Белка»), отождествления людей с их голосами («Отец-лес»).

Во всех этих произведениях, особенно в романе «Отец-лес», А.Ким активно использует мифологему леса. Как известно, эта мифологема широко использовалась в литературе XX века, выражая собой незыблемый миропорядок. Писателями мифологема «лес» или «дерево» используется по-разному, каждый раз служа вывлению индивидуальной авторской идеи.

У А.Кима лес является образом, который служит основой для нанизывания на них системы символов. И все эти символы восходят к идее автора о перерождении людей после смерти. Только став деревом после своей смерти, герои обретают покой. Например, девушка-фельдшерица, покончив с собой, становится липой. Вспомним, что в славянской мифологии липа – дерево печали. А забитый до смерти за воровство Гришка превращается в дубовое дерево.

Роман А.Кима «Кентавры» (1992) основан также на мифологии. Но теперь это античный миф. Писатель, как это свойственно многим его произведениям, основанным на мифе, рисует действительность, которая состоит из двух миров. Один из них видимый, другой – невидимый. Эта проблема видимого и невидимого, характерная для миропорядка вообще, сближает произведения А.Кима с рассказами В.Распутина 1990-х годов, что свидетельствует о существовании в литературе единого мифологического мышления, основанного на этническом сознании их авторов.

Миф о близнецах, один из наиболее известных архетипических моделей, лежит в основе романа А.Кима «Близнецы» (1999). Здесь вновь перед нами мир видимый и невидимый, мир реальный и мир условный. Создание условной реальности нужно автору для того, чтобы организовать собственное текстовое пространство, через которое он может выразить свою авторскую позицию, представить определённого героя, который не вписался бы в реальную картину жизни.

На основе известных сюжетов строит свои произведения один из интереснейших писателей современности – А.Слаповский. Например, в романе «Первое второе пришествие» (1993) основу сюжета составляет евангельский сюжет. Также совмещены мифологический и реальный планы, современность и далёкая история. Постоянные авторские ремарки подчёркивают ирреальность происходящего. В романе много отсылок к известным произведениям, особенно к «Мастеру и Маргарите» М.Булгакова.

Постмодернистская литература в целом использует в качестве мифологических источников не только библейские сюжеты, но и знаковые произведения литературы предшествующих эпох и современные. Это как бы базовые модели, на основе которых и возводится постмодернистский текст. В качестве таких базовых моделей служат в качестве интертекста произведения русской классической литературы, в особенности Ф.Достоевского, а также М.Булгакова, В.Набокова, даже писателей соцреализма и т.п.

Интересно используют мифологию В.Сорокин. В центре его произведений мифы об уголовной среде, мифы о «новых русских», модификации различных мифов о «золотом веке» и т.п. Уголовная вольница – это строго иерархичный мир, у которого свои законы, свой язык. Надо сказать, что и проза, и драматургия В.Сорокина в противоположность общей черте постмодернистских произведений, как правило, лишены цитатности. В них немного прямых отсылок, реминисценций и аллюзий на конкретные тексты советской литературы и искусства.

Но писатель, тем не менее, активно работает с тоталитарной эстетикой и её кодами. Сюжеты и образы произведений В.Сорокина, таких как «Сердца четырёх», «Месяц в Дахау», «Норма», «Голубое сало», легко узнаваемы, так как они взяты из широко известной советской прозы о войне, о деревне, о производстве. Сюжет этих произведений, оборачиваясь абсурдом, разрушает тем самым советскую мифологию, стереотипы массового коллективного сознания, общественные идеалы и ритуалы.

Совершенно особое место занимает в постмодернистской литературе В.Пелевин. Сходное использование мотивов мировой литературы, их трансформации сближает, по мнению исследователей, его с такими писателями, как В.Набоков, Г.Гессе. В своих произведениях В.Пелевин представляет своё понимание исторических явлений, используя характерный для него миф о создании нового мира – советской реальности.

В своей повести «Омон Ра» (1993) он не воссоздаёт советскую реальность, а имитирует сознание и подсознание героя недавнего прошлого. Это, одной стороны, парафраз корчагинского мифа, с другой, отсылка к известному девизу «В жизни всегда есть место подвигам». Вводится в текст и маресьевский миф, оснащённый натуралистическими подробностями.

Миф используется современными писателями по-разному. Каждый из них находит свои подходы к использованию мифа. В этом смысле представляет интерес и творчество Т.Толстой, особенно её роман «Кысь». Уже первые строки романа почти дословно воспроизводят начало «Петра Первого» А.Толстого.

Т.Толстая в этом произведении создаёт авторский миф о современности, к которому нас постоянно возвращают отдельные детали, аллюзии и реминисценции. В романе, в его условном мире, во всех трёх переплетённых между собой его пластах – древнерусском, советском, фантастическом – обитают разнообразные существа, реальные и вымышленные персонажи

Мифологемы в «Кыси» Т.Толстой выражают мысли автора с большей отчётливостью, чем пространные описания. Во всех них обнаруживаются скрытые отсылки к различным произведениям и в первую очередь к роману Е.Замятина «Мы», который, по мнению исследователей, послужил пратекстом для Т.Толстой.

Т.Толстая апеллирует ко многим источникам и на их основе создаёт свою реальность, состоящую из разновременных пластов, которые каким-то образом перекрещиваются друг с другом. Параллельное прочтение различных мифологических источников в едином мире художественного текста создаёт неповторимый эффект синкретизма. Этот синкретизм, когда комбинируются несколько мифов, очень характерен и для такого произведения Т.Толстой, как «Лилит» (1987). Вся история рассматривается здесь в отличие от других произведений Толстой сквозь призму женского взгляда, женского мировосприятия.

Л.Улицкая также обращается к показу женского взгляда на современность. Но у неё иное использование мифа. Она привлекает в свои произведения чаще всего такой базовый образ, как женщина-мать. Она использует такие трактовки, как искусственное зачатие («Бронька»), а также образ Медеи («Медея и её дети»).

Л.Улицкая отходит от традиционного понимания этого образа. Для неё важны такие качества героини, как умение находить потерянное и дар лечить людей. Это отличает Медею Улицкой от остальных обычных людей, дела её некой вол-

шебницей, феей, приносящей людям добро и исцеление. Только это унаследовала героиня Л.Улицкой от своего мифического прототипа.

Как известно, Медея как мифологический образ имела и другие грани. Это мстительница, борец. Но это никак не отражено в героине Л.Улицкой. Её Медея – женщина, стремящаяся прожить в согласии с самой собой и с миром. Это вечная мать, олицетворяющая в себе женственность. У неё нет собственных детей, и она реализует свою материнскую любовь через любовь ко всем родственникам, к людям, её окружающим. Такая трактовка мифологического образа даёт возможность говорить о том, что универсальность этого образа позволяет каждому использовать по-своему, в соответствии со своей авторской идеей.

Мы рассмотрели ряд авторов, в творчестве которых происходит использование мифологических образов и мотивов, но ни один из них не сохраняет мифологическую модель в неизменном виде. Каждый привносит в неё свою интерпретацию, свою трактовку, применяет свои формы, всегда сугубо индивидуальные, для использования. Являясь одним из своеобразных кодов, предложенных для отгадывания читателю, мифологические образы и мотивы в то же время становятся средством выражения художественной условности.

Среди множества различных приёмов использования мифологии большое место занимает соединение в пределах одного текста нескольких мифов. Мифологическое восприятие мира основывается на законах мифа, который разворачивается перед читателем различными образами, основанными на мифологемах и на топосах различных систем. Как правило, они выполняют роль архетипов и становятся основой, на которой писатели строят своё произведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Довлатов С. Собрание прозы в 3-х томах. СПб, 1993.
2. Искандер Ф. Кролики и удавы. Проза последних лет. М., 1988.
3. Кларк К. Советский роман: История как ритуал. Екатеринбург, 2002.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., НПК «Интелвак», 2003.
5. Мелетинский Е. Поэтика мифа. М., 1995.

XÜLASƏ

Məqalədə müasir ədəbiyyatşünaslıqda mifologizm, mif və folklor poetikasi problemləri araşdırılır. Müasir bədii mədəniyyət, xüsusilə ədəbiyyatda mifə böyük diqqət ayrılır. Bu baxımdan, əsərin strukturunda mifoloji elementlərin öyrənilməsində yeni yanaşmalar qeyd olunur.

SUMMARY

The article discusses the problems mythologism, mytho-poetics of folklore in modern literary criticism. In contemporary artistic culture, in particular literature, great attention is paid to the myth. In this regard, it outlined new approaches to the study of mythological elements in the product structure